

DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.059
УДК 94(470)“1914/1918”

С. А. Нефедов

Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия

СЛУХИ И РЕВОЛЮЦИЯ

Рец. на кн.: Аксенов В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – 992 с., ил.

Рецензируемая монография посвящена изучению массового сознания в период Первой мировой войны и революции 1917 г. Автор в том числе анализирует содержание и распространение слухов в различных слоях населения. Пытаясь объяснить роль слухов в революции 1917 г., В. Б. Аксенов обращается к концепции синергетики, в рамках которой случайные флуктуации (как слухи) могут инициировать глобальные процессы. Однако конкретные аргументы автора недостаточны для такого истолкования роли слухов в событиях февраля 1917 г.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Россия; Первая мировая война; революция 1917 г.; массовые настроения; роль слухов; концепция синергетики

Ц и т и р о в а н и е: *Нефедов С. А. Слухи и революция.* DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.059 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 3 (200). С. 287–293. Рец. на кн.: *Аксенов В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918).* – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – 992 с., ил.

Поступила в редакцию: 07.05.2020

Принята к печати: 20.07.2020

Sergey A. Nefedov

Institute of History and Archaeology UB RAS
Yekaterinburg, Russia

RUMOURS AND REVOLUTION

Review of: Aksenov, V. B. (2020). *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniia rossiiian v gody voiny i revolutsii (1914–1918)* [Rumours, Images, Emotions. The Mass Sentiment of Russians during the Years of War and Revolution (1914–1918)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 992 p., ill.

The monograph under review is devoted to the study of mass consciousness during World War I and the 1917 Revolution. More particularly, the author analyses the content and distribution of rumours in various segments of the population. Trying to explain the role of rumours in the 1917 Revolution, V. B. Aksenov turns to the concept of synergetics; random fluctuations (such as rumours) can trigger global processes as part of this concept.

However, the author's specific arguments are insufficient for such an interpretation of the role of rumours in the events of February 1917.

Key words: Russia; World War I; the 1917 Revolution; mass sentiment; role of rumours; the concept of synergetics

For citation: Nefedov, S. A. (2020). Slukhi i revoliutsiia [Rumours and Revolution]. *Review of:* Aksenov, V. B. (2020). *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroiennia rossiian v gody voiny i revoliutsii (1914–1918)* [Rumours, Images, Emotions. The Mass Sentiment of Russians during the Years of War and Revolution (1914–1918)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 992 p., ill. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 3 (200), 287–293. doi: 10.15826/izv2.2020.22.3.059

Submitted: 07.05.2020

Accepted: 20.07.2020

Книга старшего научного сотрудника ИРИ РАН, кандидата исторических наук В. Б. Аксенова посвящена анализу трансформаций массового сознания в период Первой мировой войны и революции 1917 г. Монография представляется весьма разнородной по содержанию; она состоит из семи разделов, которые соответствуют разным временным периодам и одновременно разным формам выражения массовых настроений.

В первом разделе «**Идея**» анализируются патриотические настроения 1914 г., изучается парадоксальная природа концепции патриотизма. В то же время значительное место уделено критике концепции «отложенной революции», согласно которой патриотический подъем прервал развитие сложившейся к этому времени революционной ситуации. Второй раздел «**Действо**» посвящен периоду мобилизации: здесь используется социально-стратификационный подход, позволяющий определить отношение к мобилизации различных групп населения. Третий раздел «**Слово**» сконцентрирован на анализе восприятия войны российской деревней, здесь исследуется характер деревенских слухов, сочетавших в себе фольклор и реальность. В четвертом разделе «**Текст**» изучается восприятие войны городским населением, в основном на основе письменных текстов: здесь значительное место уделяется вопросу о мистификации общественного сознания. Пятый раздел «**Образ**» сосредоточен на проблемах визуального отображения военной реальности, здесь рассматривается как «деревенский» лубок, так и «городская» высокая живопись, анализируется содержание журнальных карикатур и почтовых открыток. Шестой раздел «**Символ**» посвящен предреволюционному периоду, здесь исследуются процесс эрозии символов власти, дискредитация таких традиционных и основополагающих понятий как «православие», «самодержавие», «народность». Заключительный, седьмой раздел «**Эмоции**» является важнейшей частью книги. В нем, как указывает автор, «рассматривается психическо-эмоциональное измерение российской революции, анализируются слухи в качестве революционного фактора» (с. 8). В данной рецензии внимание уделено в основном рассмотрению этой части монографии В. Б. Аксенова.

Как сказано в аннотации к книге, «во время революции 1917 года слухи во многом определяли течение политических событий». Анализ содержания и распространения слухов является стандартным инструментарием В. Б. Аксенова на протяжении всей монографии, но лишь в 1917 г. слухи приобретают самодовлеющее значение и начинают оказывать существенное влияние на события. Автор дает этому теоретическое объяснение, он ссылается на синергетику, науку о закономерностях эволюции сложных динамических систем. В рамках синергетики развитие понимается как последовательность длительных периодов, соответствующих стабильным состояниям системы, которые прерываются короткими периодами хаотического поведения («бифуркациями»), после чего происходит переход к следующему устойчивому состоянию, выбор которого определяется случайными флуктуациями в «точке бифуркации»:

Тем самым проясняется роль слухов в точках бифуркации, когда случайное и малозначительное становится двигателем глобальных процессов. Синергетика... помогает обнаружить закономерности случайного, объяснить те или иные парадоксы революции как частного (например, почему «голодные» обыватели, ворвавшись в булочные, уничтожали хлеб, разбрасывая его по полу, или почему революция началась не 9 января или 14 февраля — в дни, когда ожидалось рабочие беспорядки, — а в ничем не примечательный день женщины-работницы и т. д.) (с. 781).

Далее мы еще вернемся к синергетическому объяснению случаев разбрасывания хлеба, а теперь рассмотрим аргументы, приводимые В. Б. Аксеновым в доказательство того, что именно слухи в «точке бифуркации» стали «двигателем глобальных процессов». Эта аргументация не является новой, автор апеллирует к объяснению февральских событий, которое было дано министром внутренних дел А. Д. Протопоповым:

Внезапно распространившиеся в Петрограде слухи о предстоящем якобы ограничении суточного отпуска выпекаемого хлеба... вызвали усиленную закупку публикой хлеба, очевидно в запас, почему части населения хлеба не хватило. На этой почве 23 февраля вспыхнула в столице забастовка, сопровождающаяся уличными беспорядками (с. 795).

Однако В. Б. Аксенов отмечает, что информация о предстоящем ограничении суточного отпуска в связи с введением карточек появилась в газетах еще 13 февраля (с. 792). Поэтому сразу же напрашивается возражение, ведь, по определению, слух — это неподтвержденная неофициальная информация, источник которой неизвестен, а в данном случае мы имеем официальную информацию, подтвержденную Петроградской Думой. Следовательно, это не «слухи». И, конечно, «слухи» не были внезапными, ведь эта официальная информация появилась за десять дней до продовольственной паники.

Какие аргументы предлагает В. Б. Аксенов в защиту версии Протопопова? На с. 789 имеется фраза: «Слух об отсутствии в Петрограде хлеба вывел на улицы города женщин-работниц Выборгского района 23 февраля». Но ссылок не приводится и утверждение остается голословным. На с. 792 читаем: «В некоторых

петроградских «хвостах» заговорили о том, что правительство вообще собирается на несколько дней прекратить продажу хлеба, чтобы сосчитать оставшиеся в городе запасы». Здесь дается ссылка на воспоминания Ю. В. Ломоносова, но, если проследовать по ссылке, то оказывается, что сведения об этом слухе относятся к 24 февраля, спустя сутки после начала революции.

Что касается оставшихся в городе запасов, то В. Б. Аксенов приводит мнение командующего войсками Петроградского военного округа генерала С. С. Хабалова, который полагал, что запасов муки в городе хватит на 10–12 дней (с. 792). Далее автор пишет:

При этом подвоз муки в столицу хоть с перебоями, но продолжался. Согласно данным петроградской городской управы за февраль, среднесуточный подвоз пшеничной и ржаной муки составлял около 35 тысяч пудов... И хотя это было чуть меньше средней нормы суточного потребления, учитывая имеющиеся в городе запасы, говорить о критической ситуации с мукой неправомерно (Там же).

Ссылок нет, да и сама информация неверна: в действительности вплоть до 23 февраля подвоз муки составлял в среднем около 20 тыс. пудов в сутки [см.: Нефедов, с. 643, 646, 647].

Относительно средней нормы суточного потребления автор утверждает на с. 793, ссылаясь на Уполномоченного по продовольственной части Петрограда В. К. Вейса, что она была равна 100 вагонам (т. е. 100 тыс. пудов). Как тогда понимать утверждение автора, что 35 тыс. пудов — это «чуть меньше средней нормы»? Разгадку этой дилеммы можно найти на той же странице: оказывается, что при обычной норме в 100 тыс. пудов в феврале в пекарни отпускалось только 35–40 тыс. пудов в сутки и «нормой» теперь считалось это урезанное количество муки. Наблюдая за быстрым уменьшением запасов в городе, министр земледелия А. А. Риттих в конце января распорядился отпускать в пекарни не более 35 тыс. пудов муки [Там же, с. 642]. Разумеется, хлеба теперь не хватало для всех покупателей, и возле булочных выстроились длинные «хвосты».

Таким образом, аргументы В. Б. Аксенова грешат неточностями и представляются недостаточными для утверждения о решающей роли слухов в событиях февраля 1917 г. Какова была действительная роль слухов в развитии событий в Петрограде? Об этом имеется многочисленная информация в почему-то не востребованных В. Б. Аксеновым документах Охранного отделения. В январе 1917 г. возглавляемый А. И. Гучковым Центральный военно-промышленный комитет принял решение с помощью Рабочей группы этого комитета организовать массовую манифестацию с целью добиться отставки правительства. Манифестация была намечена на 14 февраля, и была развернута мощная пропагандистская кампания, включавшая в себя, помимо прочего, интенсивное распространение провокационных слухов.

«Настроение в рабочих массах чрезвычайно приподнятое, — докладывал 9 февраля агент “Семенов”. — Сегодня еще большую тревогу внесли пущенные кем-то слухи о расстреле рабочих полицией, произошедшем будто бы вчера при разгоне митинга на Путиловском заводе» [ГАРФ, ф. 111, оп. 5, д. 630, л. 154].

Агент «Маевский» сообщал, что «среди рабочих города Петрограда распространяется упорный слух, будто 14 февраля готовится чуть ли не вооруженное восстание и даже передают, что в распоряжении революционных организаций есть бомбы и огнестрельное оружие» [ГАРФ, ф. 111, оп. 5, д. 630, л. 160]. В другом сообщении говорилось, что, по слухам, на Обуховском заводе рабочим уже роздано оружие [Там же, л. 164]. Один из агентов охраны передавал, что, по слухам, «14 февраля к демонстрации рабочих примкнут некоторые воинские части и что дело может дойти до пулеметов» [Там же, л. 170]. 8 февраля на совещании у петроградского градоначальника А. П. Балка обсуждали приготовления рабочих к манифестации, и, в частности, слух о том, что рабочие будут бросать в полицию ручные гранаты [Там же, д. 669, л. 190]. Руководитель петроградских большевиков А. Г. Шляпников писал В. И. Ленину, что «среди обывателей циркулируют слухи относительно “революции” 14 февраля» [Шляпников, с. 59]. Агенты прямо указывали на источник слухов. «Из среды Военно-промышленного комитета, — докладывал сотрудник охраны “Лимонин”, — распустился слух, что среди воинских частей, находящихся на фронте, идет уже поголовное недовольство составом нынешнего правительства и на этой почве организовался даже какой-то союз офицеров, намечающий государственный переворот 12 или 14 января сего года». Утверждалось, что заговором руководит сам Начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев и его посланники ездят по городам, чтобы заручиться поддержкой «общественных кругов» [ГАРФ, ф. 111, оп. 5, д. 660, л. 5]. В Шульгин вспоминал, что в то время о заговоре «воробы чирикали за кофе в каждой гостиной» [Шульгин, с. 421].

Эта подготовка к «революции» велась в обстановке острой нехватки хлеба. Газета «Речь» 11 февраля писала:

Продовольственный кризис в Петрограде обострился. Многих необходимых продуктов или вовсе нет, или есть в недостаточном количестве... У мелочных лавок и у булочных тысячи обывателей стоят в хвостах, несмотря на трескучие морозы, в надежде купить булку или черный хлеб [Продовольствование Петрограда, с. 4].

Начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев 5 февраля докладывал:

Если население еще не устраивает «голодные бунты», то это еще не означает, что оно их не устроит в самом ближайшем будущем, — озлобление растет, и конца его росту не видать... А что подобного рода стихийные выступления народных масс явятся первым и последним этапом на пути к началу бессмысленных и беспощадных эксцессов самой ужасной для всех — анархической революции — сомневаться не приходится [Глобачев, с. 403].

Чтобы возбудить народ, агитаторы пугали его слухами о надвигающемся голоде — тем более что хлеба действительно не хватало. 16 февраля газета «Биржевые ведомости» писала: «Слухи доходили до того, что предсказывалось наступление форменного голода, почему испуганные домохозяйки бросились

заготавливать заранее запасы черного хлеба» [Хлеб и булки, с. 4]. Казалось бы, это подтверждает версию Протопопова — Аксенова о продовольственной панике. Но речь здесь идет не о событиях 23 февраля, а о начале месяца, о подготовке масс к намеченной ЦВПК «революции» 14 февраля.

Однако Хабалов знал, как предотвратить «революцию». «Если наладить продовольственное дело, то исчезнет почва для волнений в рабочей среде», — сказал он корреспонденту «Биржевых ведомостей» 14 февраля. 10 февраля газета «День» сообщила, что по распоряжению властей рабочим будет выдана мука на пять дней вперед. В итоге «Биржевые ведомости» сообщили, что «хвосты» исчезли. Рабочие получили хлеб, и «революция» не состоялась, на манифестацию вышло лишь несколько сотен человек.

Лидер кадетов П. Н. Милюков утверждал позднее, что это его призыв к рабочим остановил манифестацию. Но кто такой был для рабочих П. Н. Милюков? Кто знал о нем? А для тех, кто знал, он был одним из лидеров Думы, по словам Глобачева, «не имевших никакого влияния на массы населения» [Глобачев, с. 395]. Каковы бы ни были причины произошедшего, но факт остается фактом: масштабная кампания по распространению слухов закончилась ничем. Агенты охраны докладывали, что «после событий, связанных с 14 февраля, наступило затишье и массы покойны» [ГАРФ, ф. 111, оп. 5, д. 630, л. 181]. Ни о каких слухах больше не сообщалось. Но выдачи муки перед 14 февраля резко уменьшили запасы, и власти снова урезали отпуск в булочные [Нефедов, с. 647]. Население снова стояло ночами в «хвостах», и многим хлеба не доставалось. «Почти всем полицейским чинам приходится ежедневно слышать жалобы, что не ели хлеба по два-три дня и более, поэтому легко можно ожидать крупных уличных беспорядков, — докладывал 22 февраля один из приставов Выборгской части. — Острота положения достигла таких размеров, что некоторые, дождавшись покупки фунтов двух хлеба, крестятся и плачут от радости» [РГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 741, л. 114]. Не «слух об отсутствии в Петрограде хлеба» вывел на улицы города женщин-работниц Выборгского района 23 февраля, а реальное отсутствие хлеба в булочных. Как оказалось, настоящая революция не нуждается в провоцирующих слухах.

Таким образом, в феврале 1917 г. революция разразилась не под воздействием основанной на слухах мощной пропагандистской кампании, а две недели спустя, когда слухи о надвигающемся голоде для наименее обеспеченных слоев населения уступили место реальному голоду. Слухи — это не то «случайное и малозначительное», которое, как утверждает В. Б. Аксенов, благодаря синергетике «становится движителем глобальных процессов». В данном случае слухи не оказали существенного влияния на глобальные процессы.

Напомним, что В. Б. Аксенов, помимо прочего, утверждает, что синергетика может объяснить даже разбрасывание хлеба на полу во время разгромов булочных. Он обращается к этому вопросу трижды, но так и не объясняет конкретного механизма этого странного явления. Мне удалось выяснить, что эта порча продуктов имела место лишь в одном случае, во время «штурма» булочной Филиппова в доме 61 по Большому проспекту. Пристав 2-го участка

Коломенской части докладывал, что толпа «после заявления администрации, что весь хлеб распродан, разбила в 3-х окнах двойные зеркальные стекла и в самом магазине разбила несколько стеклянных витрин, причем некоторыми из толпы в помещении булочной были разбросаны на полу шоколадные конфеты и разбито несколько банок с вареньем» [РГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 745, л. 133]. Про разбросанные булки в этом донесении не упоминается, но это не так уж важно; очевидно, что этот незначительный инцидент вряд ли стоит рассматривать с глобальных позиций синергетики и искать тут «точку бифуркации».

В целом, попытку В. Б. Аксенова объяснить Февральскую революцию с помощью синергетики, к сожалению, нельзя признать удачной, что, конечно, не исключает других, более продуктивных попыток в этом направлении.

Источники

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 111: Отделение по охране общественной безопасности и порядка в Петрограде (охранное отделение) при петроградском градоначальнике. 1866–1917. Оп. 5. Д. 630, 660, 669.

Глобачев К. И. Правда о русской революции. М.: РОССПЭН, 2009.

Продовольствование Петрограда // Речь. 1917. 11 февр. № 40. С. 4

РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 1282: Рапорты начальника охранного отдела МВД, адъютанта Петроградского жандармского дивизиона и полицейских приставов о революционном движении в Петрограде в последних числах февраля 1917 г. 1917. Оп. 1. Д. 741, 745.

Хлеб и булки // Биржевые ведомости. 1917. 16 февр. № 16103. С. 4.

Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М.: Республика, 1992. Т. 2.

Шульгин В. Годы. Дни. 1920. М.: Новости, 1990.

Исследования

Нефедов С. А. Продовольственный кризис в Петрограде накануне Февральской революции. DOI 10.15826/qr.2017.3.242 // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5. № 3. С. 635–655.

References

Nefedov, S. A. (2017). Prodoval'stvennyi krizis v Petrograde nakanune Fevral'skoi revoliutsii [Food Crisis in Petrograd on the Eve of the February Revolution]. *Quaestio Rossica*, 3, 635–655. <https://doi.org/10.15826/qr.2017.3.242>

Нефедов Сергей Александрович

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Центр методологии и историографии
Институт истории и археологии УрО РАН
620108, Екатеринбург,
ул. С. Ковалевской, 16
E-mail: hist1@ya.ru

Nefedov, Sergey Aleksandrovich

Dr. Hab. (History), Leading Researcher
Centre of Methodology and Historiography
Institute of History and Archaeology UB RAS
16, S. Kovalevskaya Str.,
620108 Yekaterinburg, Russia
Email: hist1@ya.ru
ORCID: 0000-0003-0136-5020
ResearcherID: Q-1642-2015
Scopus AuthorID: 40861593700